

При бесплатной работе три стяга обошлись дорого; сами рабочие покупали материал; сами делали древки и точили и золотили наконечники; сами шили и нашивали золотые надписи, а все-таки стяг влетел в копеечку.

Смета теперь:

На один стяг — материя — 6 арш<ин> — 90 р.

Позумент — 40 арш<ин> — 28 р.

Два древка лакир<ованных> — 40 р.

Золочен<ые> наконечники по 25 р. — 50 <р.>

Бахрома — 6 арш<ин> 6 р. — 12 <р.>

Итого 210 р.

Портному за шитье — 15 р.

Итого — 225 <р.>

Значит, три стяга обойдутся миним<ум> 700 р. — при накладных неожиданных расходах.

Срок такой короткий, что по совести не могу взяться. Ведь весь вторник уйдет на розыск материала, если даже не будет тех препятствий, о которых сказано выше.

С искренним уважением и преданностью Ваш Иер. Ясинский.

Машинопись с правкой рукой Ясинского, подпись — автограф. Помета рукой Сологуба: «Ясинский».

¹ Ответ на п. 11.

² В автобиографии кандидата в члены РКП (большевиков) 1920 года Ясинский отметил: «Агитировал добровольно на Выборгской стороне и делал (бесплатно) знамена для демонстраций рабочим завода Лесснера» (*Ясинский И.* Роман моей жизни: Книга воспоминаний. Т. 2. С. 169).

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-3-133-139

© Н. С. Беляев

СОБРАНИЕ П. А. ЕФРЕМОВА В БИБЛИОТЕКЕ ПУШКИНСКОГО ДОМА: ИСТОРИЯ ПОСТУПЛЕНИЯ

Библиотека Института русской литературы РАН представляет собой уникальное собрание книг, журналов, газет, изданных как в России, так и за рубежом. Она была организована в самом начале создания Пушкинского Дома в 1906 году. По «Положению о Доме Пушкина», утвержденному в 1907 году, постоянного государственного финансирования на деятельность этого учреждения не предполагалось, его бюджет складывался в основном из сумм от пожертвований частных лиц. Столь непростые обстоятельства напрямую влияли на качество формирования библиотечного фонда и зачастую приводили к отсутствию многих необходимых изданий. Императорская Академия наук и сами создатели Пушкинского Дома прекрасно осознавали, что его основу на первоначальном этапе должны составлять уже сложившиеся тщательно скомплектованные собрания, принадлежавшие известным писателям и крупным ученым-литературоведам, и они не раз пытались аргументированно обосновать необходимость приобретения таких коллекций.

Среди отечественных специалистов в области литературы особое место занимает имя П. А. Ефремова (1830–1907) — комментатора, редактора, текстолога, библиографа и библиофила. Его обширная библиотека представляла собой настоящую лабораторию ученого: многие издания из его собрания содержали маргиналии, по которым можно проследить его работу над той или иной темой. В 1908 году после смерти Ефремова его многотысячное собрание было предложено для приобретения

Императорской Академии наук. Документы, хранящиеся в основном в Российском государственном историческом архиве и еще не введенные в научный оборот, позволяют изучить этот вопрос более детально. В задачу настоящей статьи входит проследить судьбу той части собрания Ефремова, которая поступила в Пушкинский Дом.

Весной 1908 года президент Императорской Академии наук вел. кн. Константин Константинович поручил членам Комиссии по постройке памятника А. С. Пушкину академикам А. А. Шахматову и С. Ф. Ольденбургу, историкам литературы и специалистам по книжному делу Вс. И. Срезневскому, Б. Л. Модзалевскому, П. К. Симиону, И. А. Кубасову, а также юрисконсульту Министерства народного просвещения П. Е. Рейнботу представить подробную записку о библиотеке Ефремова, которую предполагалось приобрести за 30 000 рублей. Итоговый документ этой комиссии должен был быть представлен на рассмотрение министра финансов В. Н. Коковцова.¹ Спустя несколько месяцев 8 мая 1908 года на заседании Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук было заслушано сообщение о целесообразности приобретения ефремовского собрания для Пушкинского Дома. Все его участники проголосовали единогласно за это предложение и посчитали важным «засвидетельствовать перед августейшим президентом Императорской Академии о высокой научной ценности библиотеки Ефремова и желательности спасти ее от раздробления и отчуждения в частные руки».² Кроме того, Отделение русского языка и словесности считало своим долгом «упомянуть и о том выдающемся значении, которое имеют подобранные П. А. Ефремовым материалы по истории русской литературы и о бесценных документах в них заключающихся, утрата их и переход в руки промышленников было бы невознаградившей потерей для науки».³ Кубасов и Модзалевский подготовили подробную «Записку об осмотре библиотеки П. А. Ефремова».⁴ Подробное описание, составленное ими, представляет собою уникальный документ, поскольку его авторы имели возможность познакомиться с этим собранием до того, как оно было распродано разным лицам и учреждениям. В частности, они отмечали: «Библиотека покойного Петра Александровича Ефремова занимает приблизительно 25 шкафов и заключает в себе не менее 20 000 томов, не считая громадного количества брошюр; внешний вид библиотеки блестящий; большая часть книг в переплетах, часто роскошных и изящных прекрасной сохранности; брошюры, касающиеся одного предмета <...> собраны (вместе. — Н. Б.); отдельные листы находятся в папках или коробках <...>. На очень многих книгах имеется *ex-libris* собирателя».⁵ Особенно Кубасов и Модзалевский отметили значительное собрание специальных периодических и продолжающихся изданий, столь необходимых историкам литературы, не менее ценными были и подборки газетных публикаций и фрагменты из изданий, посвященных отдельным персоналиям; переплетенные в самостоятельные тома, они могли соперничать с лучшими биографическими словарями того времени. Отдельный шкаф занимала «Puschkiniana», безусловно представляющая огромную ценность для формирующейся библиотеки Пушкинского Дома. Кубасову и Модзалевскому удалось детально изучить каждый тематический раздел ефремовской коллекции, отметив наиболее важные издания. Одним из уникальных отделов этой библиотеки являлись книги, тиражи которых были запрещены или по какой-то причине оказались уничтоженными. В то же время неверно было бы воспринимать библиотеку Ефремова только как книжное собрание, поскольку в нее входили материалы архивного и музейного хранения, связанные с русской литературой и отечественной культурой в целом. Трудно не согласиться с авторами записки, что собрание Ефремова «по внутреннему своему содержанию <...> представляет богатейшую по составу и неоценимую по подбору коллекцию книг

¹ РГИА. Ф. 565. Оп. 8. Д. 29509. Л. 1, 13а.

² РГИА. Ф. 733. Оп. 145. Д. 220. Л. 3.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 27–30.

⁵ Там же. Л. 27.

для всякого исследователя по вопросам истории, русской словесности и литературы, эта библиотека — неисчерпаемая сокровищница, обнимающая собою все вопросы указанной области и дающая возможность, не обращаясь к другим библиотекам, изучать и исследовать любую тему. Без преувеличения можно сказать, что в ней имеются на лицо все русские писатели XVIII и XIX вв. во всех изданиях, даже редких и редчайших».⁶

Однако далеко не все специалисты придерживались подобной точки зрения. Так, например, П. Е. Рейнбот — пушкинист, коллекционер, секретарь пушкинского лицейского общества, хорошо знакомый с собранием Ефремова, полагал, что значительная его часть не представляла интереса для Пушкинского Дома, среди таких «ненужных» отделов он считал книги, посвященные Петру I, Екатерине II, Павлу I; раздел «Rossica», издания по генеалогии, политэкономии, литературу по путешествиям, военной истории, религиоведению, а также целую подборку материалов, посвященную Ж. Лафонтену, и т. д.⁷ Между тем безусловно необходимыми отделами ефремовского собрания, полностью отвечающими задачам Пушкинского Дома, он считал только материалы, относящиеся к истории русской литературы XVIII и XIX веков, — это автографы, журналы, альманахи первой половины XIX века, собрания сочинений русских писателей, литературоведческие работы, труды по библиографии.⁸ В воспоминаниях сотрудника Пушкинского Дома М. Д. Беляева сохранилось любопытное свидетельство о роли Рейнбота в приобретении ефремовской коллекции: «Б. Л. Модзалевский обвинял, между прочим, Рейнбота в том, что тот, пользуясь своими лицейскими связями с министром финансов В. Н. Коковцовым, отговорил последнего дать пятнадцать тысяч Пушкинскому Дому на приобретение целиком всей Ефремовской библиотеки для последнего. По словам Модзалевского, это было сделано Рейнботом и другими библиофилами с той целью, чтобы самим хорошенько порыться в богатейшем наследии Ефремова».⁹

Директор Императорской Публичной библиотеки Д. Ф. Кобеко, имея подробные сведения о библиотеке Ефремова, был еще более категоричен в своем мнении, чем Рейнбот. Кобеко полагал, что она содержит в себе много изданий, относящихся к допушкинской эпохе, а следовательно, не может вся полностью соответствовать цели и задачам Пушкинского Дома. В высказанном им суждении явно не учитывался процесс развития литературы: без изучения ее истоков невозможно создать полноценные научные исследования в области изящной словесности XIX века. Между тем Кобеко был прав, говоря, что в Петербурге существуют два крупных хранилища — Императорская Публичная библиотека и Библиотека Императорской Академии наук, способные в значительной степени удовлетворить потребности исследователей в научной литературе, а «библиографические уникалы» в коллекции Ефремова представляют интерес прежде всего для библиофилов. Кобеко считал, что было бы «правильнее воздержаться от приобретения всей библиотеки Ефремова в совокупности и ограничиться покупкой хранящихся в ней автографов русских писателей и акварельных их портретов».¹⁰ Из этого следует, что собственно книжное ефремовское собрание, по его мнению, не представляло никакого большого интереса для Пушкинского Дома и только лишь оригинальные вещи — автографы русских писателей и акварельные портреты деятелей отечественной культуры из коллекции Ефремова — должны были быть куплены казною.¹¹

Сторонниками приобретения библиотеки Ефремова целиком оказались вел. кн. Константин Константинович и непремный секретарь Императорской Академии наук Ольденбург. Президент Императорской Академии наук считал это собрание «Пантеоном русской литературы пушкинского и послепушкинского периода» и опасался,

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 31.

⁸ РГИА. Ф. 565. Оп. 8. Д. 29509. Л. 17.

⁹ Беляев М. Д. Пушкинский дом / Публ. М. В. Толмачева // Мосты. 2004. № 2. С. 283.

¹⁰ РГИА. Ф. 565. Оп. 8. Д. 29509. Л. 5.

¹¹ Там же.

чтобы его не постигла судьба знаменитой юдинской библиотеки.¹² Министр финансов Коковцов, от кого, собственно, зависело приобретение коллекции Ефремова, не стал принимать деятельного участия в этом вопросе. Кроме того, он как финансист, стремящийся сберечь государственные ресурсы, опирался в своем окончательном заключении в отношении этой библиотеки на мнение Кобеко, позволявшее сэкономить порядка 28 000–29 000 казенных рублей. В апреле 1908 года в письме к Коковцову¹³ Ольденбург делает еще одну попытку доказать необходимость приобретения библиотеки Ефремова целиком. Он рассматривает дальнейшее развитие Пушкинского Дома прежде всего как центра по изучению всей истории русской литературы, а не только пушкинского периода. Кроме того, Ольденбург не согласен с доводом Кобеко о том, что Библиотека Академии наук и Императорская Публичная библиотека обладают исчерпывающим фондом по русской литературе и литературоведению, и, наконец, приводит самый важный аргумент, который должен был решить судьбу ефремовской коллекции, — тот факт, что она представляла собой уже сформировавшееся научное собрание, столь необходимое для только что организованной библиотеки Пушкинского Дома.

Испытывая явные затруднения во взаимодействии с Министерством финансов, Императорская Академия наук решила привлечь на свою сторону Министерство народного просвещения, тем более что его возглавлял в то время известный филолог-классик, профессор Московского университета А. Н. Шварц. Вскоре, 13 мая 1908 года им было составлено письмо в Совет министров «О приобретении для Пушкинского Дома библиотеки П. А. Ефремова», где, в частности, говорилось: «Библиотека Ефремова вполне отвечает целям Пушкинского Дома. По внутреннему содержанию она представляет собою богатейшую по составу и неоценимую по подбору коллекцию книг для всяческого исследователя по вопросам истории русской словесности и литературы...».¹⁴ В этом документе особенно подчеркивался тот факт, что Ефремовым были собраны обширные материалы для будущих собраний сочинений русских писателей: решение этой задачи до сих пор является одним из самых важных направлений деятельности Пушкинского Дома. Кроме того, аргументированно была показана значимость других отделов ефремовского собрания, относящихся к истории и культуре, как русской, так и иностранной. Как известно, без дополнительных источников, содержащихся в изданиях по разным областям гуманитарного знания, сложно составить объективное мнение о развитии отечественной литературы в целом. Между тем Шварц в своем письме совершенно верно заметил, что в ефремовском собрании есть экземпляры, представляющие исключительно библиофильский интерес, нежели могущие служить научным целям, преследуемым Пушкинским Домом. Однако наличие такого рода материалов существенно сказывается на общей стоимости всего приобретения. Небезынтересно, что Ефремов уже при своей жизни стал распродавать свою библиотеку: так, за 17 000 рублей он реализовал почти всю принадлежавшую ему коллекцию гравюр и лубочных картинок. Резюмируя, министр народного просвещения вполне обоснованно полагал, что «всю библиотеку желательно приобрести исключительно с тою целью, чтобы предупредить продажу ее за границу. Своими трудами в деле издания сочинений русских классиков и в особенности работами по пушкинской литературе П. А. Ефремов оказал громадные услуги русскому просвещению, и обидно было бы видеть ефремовскую библиотеку в американском музее. С другой стороны, казалось бы, нет достаточных оснований приобретать именно для Пушкинского Дома также книги, которые по содержанию своему не отвечают задаче его учреждения. При отказе

¹² Там же. Л. 7. После отказа Николая II предоставить деньги на покупку коллекции Г. В. Юдина Публичной библиотеке, ее приобрела библиотека Конгресса США. Подробнее см.: *Половникова И. А.* История одной продажи (о библиотеке Геннадия Васильевича Юдина) // Книга в России XI–XX вв.: Сб. науч. трудов. СПб., 2004. Вып. 21. С. 309–322. Библиографию работ о библиотеке Юдина см.: *Ильина О. Н.* Изучение личных библиотек в России: Материалы к указателю литературы на русском языке за 1934–2006 годы. СПб., 2008. С. 420–424.

¹³ РГИА. Ф. 565. Оп. 8. Д. 29509. Л. 8–9.

¹⁴ Там же. Л. 13а.

С. А. Ефремовой продать часть книг, исход представляется двоякий: или, как предложено Академией наук, все, что окажется для Пушкинского Дома излишним, передать в другие государственные библиотеки, или же предоставить Академии после покупки составить подробное описание всей библиотеки и затем все книги, которые окажутся для <Пушкинского> Дома ненужными, продать с тем, чтобы вырученная от продажи сумма поступила на покупку кредита, или же, чтобы та же сумма поступила на дальнейшее пополнение библиотеки Пушкинского Дома, основанием которой будет служить, наряду с приобретенною библиотекою самого А. С. Пушкина, библиотека Петра Александровича Ефремова, редактора многих и лучших изданий сочинений, как самого Пушкина, так и других русских писателей».¹⁵

Через некоторое время вдове Ефремова была предложена сумма в 30 000 рублей за 20 000 томов, не считая брошюр, на что от нее вскоре министерство получило согласие. Будущее приобретение предполагалось до получения Пушкинским Домом собственного здания хранить в Библиотеке Академии наук вместе с личной библиотекой Пушкина, полученной незадолго до этого, в 1906 году. Между тем С. А. Ефремова, вероятно желая побыстрее завершить этот вопрос, решила снизить цену за библиотеку до 24 000 рублей, согласившись не предлагать ее другим лицам и хранить у себя до 25 мая 1908 года. Сумма относительно такого собрания не очень большая, если учесть, что только одни альманахи первой половины XIX века в количестве 400 экземпляров оценивались в 1500–2000 рублей. К тому же значительная часть изданий из библиотеки Ефремова была очень хорошей сохранности: почти все книги и журналы в его коллекции были переплетены, что, безусловно, увеличивало их стоимость и во многом снимало с будущих владельцев хлопоты по решению этой проблемы.

Спустя несколько дней, 10 июня 1908 года, премьер-министр П. А. Столыпин направил Шварцу письмо, уведомляющее его о том, что 20 мая и 3 июня 1908 года его представление по поводу приобретения библиотеки Ефремова было рассмотрено на заседании Совета министров. В ходе совещания его участники приняли сторону тех экспертов, которые считали возможным приобретение лишь части собрания и для достижения этой цели предложили продолжить переговоры с С. А. Ефремовой.

Однако, как известно, наследница Ефремова не стала входить в дальнейшие консультации с Академией наук и продала библиотеку книгопродавцу А. Ф. Фельтену за 26 000 рублей. Одна из первых сотрудниц Пушкинского Дома Е. П. Казанович писала: «...на средства казны приобретена была для Дома часть библиотеки известного библиографа П. А. Ефремова. По некоторому, весьма прискорбному недоразумению, в Пушкинский Дом перешла только часть этой ценной частной коллекции книг, равной которой пока не было в России, да и то перешла уже из вторых рук, от торговца, хотя переговоры о приобретении библиотеки целиком велись сначала с самой наследницей имущества».¹⁶ И все же дело обстояло не столь уж драматично. Рейнбот в письме к одному из создателей Пушкинского Дома Б. Л. Модзалевскому писал 6 (19) июля 1908 года: «Еще пару слов о ефремовской библиотеке. Разбираюсь и торгуюсь. Очень надеюсь, что Вы останетесь довольны выбором, смотрю на задачи П<ушкинского> Дома широко и набираю елико возможно больше. Увы, приходится „работать“ одному. <...> Фельтен очень предупредителен, соблюдает наше право первенства. В общей оценке всей библиотеки мы не ошиблись, Фельтен не сомневается, что выручит вдвое больше, чем заплатил, но ей-богу, Борис Львович, все ценное (кроме автографов, конечно) абсолютно нам, Пушкинскому Дому, не нужно, а свое мы получим и притом в большом количестве».¹⁷ Примечательно, что сохранилась довольно обширная записка Рейнбота об осмотре уже приобретенной Фельтеном библиотеки Ефремова в июле 1908 года. При отборе книг Рейнбот руководствовался тем принципом, что книги, изданные различными государственными учреждениями и тематически могущие

¹⁵ Там же. Л. 18.

¹⁶ Казанович Е. П. <О Пушкинском Доме> // Временник Пушкинского дома. 1913. СПб., 1914. С. XIV.

¹⁷ Переписка Б. Л. Модзалевского с П. Е. Рейнботом / Публ. Н. А. Прозоровой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год. СПб., 2001. С. 251.

представлять интерес для Пушкинского Дома, будут получены им на безвозмездной основе. Кроме того, он отказывался от дорогостоящих изданий, которые уже были в парижском собрании известного пушкиниста и коллекционера А. Ф. Онегина-Отто, которое также планировалось приобрести в это время. Между тем особое внимание Рейнбот обращал на брошюры, испещренные пометами и комментариями самого Ефремова, считая, что они вполне могут пригодиться для научной работы сотрудникам. В конечном счете им были отобраны книги и документы из семи отделов ефремовского собрания, безусловно представляющие определенный интерес для Пушкинского Дома: 1) автографы русских писателей, 2) рукописи, связанные с историей русской литературы, 3) альманахи начала XIX века, 4) журналы первой половины XIX века, 5) рисунки к сочинениям Пушкина, 6) собрания сочинений отечественных писателей, 7) работы по истории русской литературы и библиографии. Любопытно, как происходило определение стоимости отобранных Рейнботом материалов: 80 автографов русских писателей, включая книги с маргиналиями Пушкина и В. А. Жуковского, были оценены в 1000 рублей, 100 рисунков и портретов — 120 рублей, 1000 томов книг — 2400 рублей, 60 альманахов — 480 рублей, 500 томов книг — 1000 рублей. Стоимость книг колебалась от 2 до 2 рублей 40 копеек. При этом Рейнбот учитывал и коммерческий расчет, так первая тысяча книг по договоренности с Фельтеном была оценена по 2 р. 40 коп. за том, а последующие издания по 2 руб. Кроме того, Рейнбот отобрал 1800 томов, полагая, что комиссия, которая будет просматривать все оставленные им книги, сможет отказаться от тех изданий, которые ей покажутся непрофильными. Примечательно, что Непременный секретарь Императорской Академии наук Ольденбург поддержал Рейнбота в его мнении относительно дальнейшей судьбы этой части собрания Ефремова, которая по согласованию с Фельтеном, была оценена в 5000 рублей.¹⁸ Министр народного просвещения согласился с суммой, обозначенной Рейнботом, но поскольку министерство не располагало для этого достаточными денежными средствами, то Шварц обратился к министру финансов Коковцову о предоставлении 5000 рублей из «10-миллионного фонда на предусмотренные сметами экстренные в течение года надобности». В свою очередь министр финансов посчитал нужным, что Шварцу следует первоначально обратиться в Совет министров для окончательного разрешения этого вопроса, и 9 сентября 1908 года был получен положительный ответ. «Рассмотрев в заседании 9 сего сентября представление министра народного просвещения от 5 того же месяца № 22729 об отпуске из десятиmillionного фонда на экстренные в текущем году надобности 5000 рублей на приобретение для Пушкинского дома части библиотеки П. А. Ефремова, Совет министров постановил уважить означенное ходатайство сенатора Шварца, представив на утверждение Его Императорского Величества соответствующий в этом смысле журнал. П. Столыпин»¹⁹ — так писал в официальном письме председатель Совета министров к Коковцову. Высочайшая резолюция на документе, позволявшем приобрести библиотеку Ефремова, была представлена Николаем II на яхте «Штандарт» 3 октября 1908 года.²⁰

После поступления собрания Ефремова в библиотеку Пушкинского Дома судьба его сложилась непросто. До 1922 года Пушкинский Дом не имел постоянного помещения, нынешнее здание (наб. Макарова, 4) было получено им в 1927 году, это обстоятельство осложняло работу его структурных подразделений, в том числе и библиотеки. Недостаток библиотечного штата, а также отсутствие четко разработанной методики учета фонда не позволили оперативно и в полном объеме произвести его инвентаризацию и обработку. Кроме того, значительные поступления из других частных собраний (особенно в 1920-е годы) и, как следствие этого — скопление большого количества неучтенных книг способствовали тому, что некоторые издания из ефремовского собрания были внесены в инвентарные книги только к 1953 году. К сожалению, до сих пор лишь часть коллекции Ефремова отражена в картотеке личных библиотек. Нема-

¹⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 145. Д. 220. Л. 35.

¹⁹ РГИА. Ф. 565. Оп. 8. Д. 29509. Л. 35.

²⁰ Там же. Л. 39.

ловажно, что Институт русской литературы АН СССР заложил фундамент библиотеки созданного в конце 1953 года Всесоюзного музея А. С. Пушкина, куда в 1954 году была передана часть книг из коллекции Ефремова.²¹

К тому же следует отметить, что некоторые издания по разным причинам оказались, возможно, утраченными уже после поступления в библиотечный фонд (передача в другие книгохранилища, потеря читателями и т. д.). Отсутствие не только полного описания, но и простого исчерпывающего перечня книг из ефремовской библиотеки значительно затрудняет исследователям ее научное изучение. Пожалуй, впервые ее краткая характеристика была сделана заведующим библиотекой Пушкинского Дома А. Н. Степановым в его работе «У книг своя судьба...», посвященной собраниям библиотеки. Останавливаясь на библиофильских и научных интересах Ефремова, в качестве примеров он приводит дарственные надписи, оставленные их владельцу Н. А. Некрасовым, Я. П. Полонским и Н. Ф. Щербиной.²² Как уже отмечалось ранее, ценность библиотеки Ефремова состояла не только в значительном количестве прижизненных изданий русских писателей, но прежде всего в его собственных комментариях, сделанных на полях и в тексте многих книг, брошюр, журналов. Столь существенное обстоятельство привлекает литературоведов к исследованию книг из его собрания и в наше время. Так, в 2016 году А. С. Бодрова опубликовала статью, предметом которой стали хранящиеся в Пушкинском Доме собрания сочинений М. Ю. Лермонтова с пометами ученого.²³

Безусловно, настоящая публикация ни в коей мере не может заменить подробного описания библиотеки Ефремова, материалы для которого в значительной степени были собраны в ходе фронтального просмотра поступлений в библиотечный фонд до 1954 года. Между тем следует обозначить общие параметры, отражающие видовой и тематический аспекты изданий из ефремовского собрания, имеющихся в библиотеке ИРЛИ. Общий объем коллекции, включая книги, отгиски и журналы, составляет более 1500 единиц, по своему содержанию прежде всего связанных с художественной литературой и литературоведением и вышедших, как правило, в XIX веке. Количество изданий по другим областям гуманитарного знания: истории, изобразительному искусству, религиоведению, политологии, педагогике — незначительно и составляет примерно 10 % от объема всей сохранившейся коллекции. Инскрипты, оставленные на книгах, позволяют определить круг знакомых Ефремова, среди которых были многие известные литераторы и деятели науки, такие как: А. Д. Алферов (13),²⁴ А. Н. Афанасьев (2), Н. Н. Буковский (1), Арс. И. Введенский (2), П. А. Висковатов (2), В. П. Гаевский (1), Я. К. Грот (1), Г. П. Данилевский (1), С. С. Дудышкин (2), Я. А. Исаков (1), В. В. Каллаш (9), Ф. Е. Корш (1), Н. А. Котляревский (1), Л. Н. Майков (1), Б. Л. Модзалевский (1), Н. А. Некрасов (3), Я. П. Полонский (2), А. Н. Пыпин (2), В. В. Сиповский (1), Н. Н. Страхов (1), А. С. Суворин (1), П. Е. Щеголев (1), Н. Ф. Щербина (1) и др.²⁵

Полное описание части собрания Ефремова, хранящейся в библиотеке Пушкинского Дома, позволит более детально представить фигуру Ефремова как ученого и лекционера, значительно расширить круг источников по истории литературоведения как науки.

²¹ См.: Иду вдоль книжных полок... / Авт.-сост. М. В. Бокариус, И. А. Меньшова. СПб., 1995. С. 91, 93–104. Всего было передано 29 экземпляров книг и 16 экземпляров журналов. Среди них значительная доля — это художественная литература и труды по литературоведению, в том числе прижизненные издания сочинений Пушкина и Е. А. Баратынского.

²² Степанов А. Н. У книг своя судьба... Л., 1974. С. 13–16. См. также: Баскаков В. Н. Библиотека и книжные собрания Пушкинского Дома. Л., 1984. С. 6–7.

²³ Бодрова А. С. Сочинения Лермонтова 1860 и 1863 годов как историко-литературное исследование и книгоиздательский проект // Русская литература. 2016. № 3. С. 40–42.

²⁴ В скобках указано количество книг с дарственными надписями Ефремову.

²⁵ Значительная часть инскриптов из собрания Ефремова была опубликована. См.: Издания с дарственными надписями из собрания библиотеки Пушкинского Дома: каталог / Сост. Н. С. Беляев; науч. ред. Г. В. Бахарева. СПб., 2014. Вып. 1: А–Д; 2016. Вып. 2: Е–К; 2018. Вып. 3: Л–О.